

Кемель

Мокаев

ТАИНСТВЕННЫЙ СЛЕД

Повесть

Во время ночного артиллерийского обстрела наших позиций погиб командир группы разведчиков Сулейменов. При нем находилась секретная военная карта со схемами огневого действия соединений, готовившихся к прорыву обороны противника. В планшетке Сулейменова этой карты не оказалось. Командование немедленно сообщило о происшествии штабу фронта. Отдел контрразведки срочно направил своего сотрудника майора Родионова с приказом разобраться в случившемся.

– Гибель Сулейменова, – сказал полковник Ильин, напутствуя Родионова, – тяжелая утрата. Последствия этого могут быть самыми неожиданными. Не исключена возможность, что карта попала в руки вражеских лазутчиков. Надо принять все меры. Нельзя допустить, чтобы этой картой воспользовался враг. Командующий фронтом приказал мне держать его в курсе расследования. Пожалуйста и немедленно сообщайте о ходе дел.

Полковник не стал вдаваться в детали предстоящей операции. Он справедливо считал, что нужное решение можно принять только на месте. Направляя кого-нибудь из своих подчиненных на задание, Ильин полагался на их опыт, инициативу, умение самостоятельно разобраться в порученном деле. Эту особенность своего руководителя хорошо знал Родионов и поэтому не стал требовать от него каких-либо инструкций и наставлений. Он откозырял полковнику и отправился к месту назначения.

Дорога предстояла дальняя, и расследование ждало Родионова довольно сложное. Майор поторапливал шофера, а сам мучительно раздумывал о случившемся. Как мог погибнуть Сулейменов? Кто находился рядом с ним в момент обстрела? Неужели в охрану штаба проникли шпионы? Сулейменов был достаточно опытным разведчиком, спокойным, рассудительным и осторожным. Штаб располагался далеко от передовой линии, был хорошо замаскирован. Обстреливать его могли только из дальнобойных орудий. Странно, что обстрел совпал по времени с приездом Сулейменова в штаб. Немцы не охотники до ночной стрельбы, и это не был обычный беспокоящий методичный огонь. Артиллерийский налет, очевидно, не являлся случайностью.

«Где же теперь карта? – спрашивал себя майор. – Неужели она в руках врага?»

Этот вопрос неотступно стоял перед ним все время, пока он опрашивал свидетелей ночного налета. Однако нужного ответа не находилось. Опросив всех, кто мог пролить свет на происшествие, майор вторично вызвал к себе начальника охраны штаба лейтенанта Маляра. Бравый, с настоящей военной выправкой лейтенант выглядел на этот раз растерянным и убитым. Во время обстрела погиб его родной брат, сержант Маляр. В его гибели тоже было много неясностей. Он бросил свой пост и оказался далеко от штабной землянки.

Как это произошло? Лейтенант ничего толком не мог объяснить. Смерть брата, потеря карты при загадочных обстоятельствах совсем выбили его из колеи. Он смирился с тем, что его ожидало, готов был нести любую ответственность. Лейтенант так и заявил, что не уберег Сулейменова из-за излишней доверчивости к людям, в частности к своему родному брату. Его брат оказался трусом, бросил свой пост. Если бы он был на посту, никто бы не посмел шариться в сумке Сулейменова. Но брат сбежал и дал кому-то возможность похитить секретную карту.

Но то, что Маляр признавал свою вину, никак не подвигало расследование вперед. Совсем не этого добивался Родионов от лейтенанта.

Ясно, что Маляр не похищал карты. А его брат? Тоже маловероятно. Кто же? Кто проник в штаб? Это оставалось неясным. Лейтенант сидел перед Родионовым и думал о чем-то своем. Майор вновь и вновь заставлял его повторять рассказ о ночном случае, стараясь не упустить ни одной детали. Маляр отвечал на вопросы бессвязно, путался. Видно было, что он сильно переживал, волновался.

– Вы отдаете себе отчет в том, что произошло? – спросил майор. – Вы – штабной офицер и не можете не знать, в каком тяжелом положении вы оказались.

– Виноват, – убито проговорил Маляр. – Я просто не знаю, как это все произошло.

– Рассказывайте все подробно, – приказал майор. – И, пожалуйста, честно.

– Я вам уже все сказал, – угрюмо буркнул Маляр.

– Повторите еще раз.

– Ну, значит, мы с Мишей, – начал рассказывать лейтенант, – с моим братом, сержантом Маляром, в полночь вышли сменять посты.

Вспомнив о брате, лейтенант всхлипнул и скорбно опустил голову.

– Не волнуйтесь, – попросил майор, – рассказывайте как можно подробнее.

– Сержант Маляр должен был заступить на пост у штаба. Он сменил старшего сержанта Ефремова, с которым мы и вернулись в свой блиндаж. Едва успели закутить с ним, как снаружи послышался мощный взрыв. Мы выскочили из блиндажа. После взрыва все стихло, но мне эта тишина показалась зловещей. Я почувствовал какую-то неясную опасность. Из-за туч показалась луна, всё вокруг потонуло в тумане. Ефремов предположил, что это залетел какой-то шальной снаряд и опасаться нечего. Его слова меня ничуть не успокоили. В жуткой тишине, казалось, притаилась беда. Так оно и случилось. Со стороны противника послышался гул, и тут же вокруг нас начали рваться снаряды. За минуту до этого я хотел пойти проверить посты, но обстрел помешал мне. Ефремов схватил меня, с силой втащил в траншею. Вокруг бушевал огненный ад. Осколки снарядов с визгом пронеслись над нами, в траншею осыпалась земля. Я все-таки улучил момент и выглянул из траншеи. Слева от нас, у склада с боеприпасами, я увидел пламя пожара. Окликнул Ефремова и побежал к складу. Когда бежал в сторону пожара, сзади услышал какой-то тревожный окрик. Кто-то вроде бы звал на помощь. Часовой у склада был на месте, мы быстро потушили пламя, и я поспешил к штабу.

– Вот тут-то, товарищ майор, – с дрожью в голосе сказал Маляр, – я и увидел лежавшего у входа в блиндаж Сулейменова. Он был убит осколком в голову. На помощь ко мне подоспел старший сержант Ефремов, и мы вдвоем внесли тело Сулейменова в блиндаж. Сумка его оказалась открытой, внутри мы заметили пятна крови. Только тогда я обнаружил, что у штаба нет часового, моего брата. Несколько раз я громко позвал его, но мне никто не ответил.

– Вы никого не видели, когда сменяли часовых? – спросил майор.

– Нет, никого, кроме часовых, вокруг не было.

– Попробуйте вспомнить голос окликавшего вас человека, он не знаком вам?

– Я не разобрал, – ответил лейтенант. – В ушах еще был шум от разрывов.

– Он звал вас на помощь?

– Даже не знаю, – продолжал лейтенант. – Потом я оставил Ефремова у штаба, а сам пошел искать брата, но найти его ночью не удалось. Только утром обнаружили его труп в яме под дубом.

– Вы похоронили его? – спросил майор.

– Нет, – сказал лейтенант со слезами. – Не смог. Сил не хватило. Но что же поделаешь: сержант Маляр бросил пост, нарушил присягу. Он – дезертир и изменник. Тяжело так говорить о родном брате, однако от фактов не уйдешь.

Родионов слушал Маляра, и в душе его все больше росло предубеждение против него. Почему Маляр держал брата около себя? Почему в эту роковую ночь лейтенант поставил его на самый важный пост у штаба? Может быть, все это сделано специально, чтобы скрыть предполагавшееся преступление? Сержант Маляр был на посту и не мог не видеть человека, похитившего у Сулейменова карту. Наверняка все было сделано при его непосредственном участии.

Можно предположить, что события развивались следующим образом: преступникам было известно, когда прибудет в штаб капитан Сулейменов. Знали они и о том, какие секреты хранит его карта. Воспользовавшись смертельным ранением капитана, сержант Маляр захватил карту и решил скрыться. Однако в пути его постигла неудача. С ним, разумеется, был кто-то еще. «Кто же этот второй? – спрашивал себя майор. – Не брат ли убитого, лейтенант Маляр?»

Майор раздумывал о происшедшем и так и этак, но положение не прояснялось. Он отпустил лейтенанта, хотя и сильно подозревал его. Подозрений недостаточно, нужны доказательства, а их-то как раз и нет, следовательно, необходимо добыть веские улики. Родионов сложил в вещевой мешок нехитрые пожитки погибшего сержанта и долго в раздумье курил. Затем он решил сообщить в штаб.

– «Береза!» «Береза!» Я – Родионов, соедините меня с «Орлом».

Вскоре в трубке послышался женский голос, и майор узнал голос следователя – эксперта Зайцевой. Он сказал ей:

– Мне нужна ваша помощь. Если свободны, приезжайте сейчас же.

Майору ответили согласием. Он быстро собрался и вышел из землянки. Окликнув ординарца, приказал ему позвать лейтенанта и старшего сержанта Ефремова. Майор решил тщательно осмотреть место происшествия с экспертом.

День был ясный, тихий и приветливый. Солнце парило над лесом, купая в золоте верхушки стройных сосен. Ничто здесь не напоминало о войне. Даже траншеи и блиндажи, укрытые срубленными ветками, не нарушали естественного вида леса. Родионов и Зайцева шли мимо траншей, внимательно оглядывая все вокруг. Мимо них прошмыгнула неизвестно откуда появившаяся грузовая автомашина. Она с ходу

ввехала в оборудованное в земле укрытие. Солдаты тут же принялись вбивать кольшки и натягивать над укрытием маскировочную сетку. В это время на борт вскочила смеющаяся девушка. Она легко и смело спрыгнула с машины на землю.

– Смотрите, какая коза, – восхищенно проговорила Зайцева и покачала головой. – Как настоящий парашютист. Она, пожалуй, без опаски могла бы спрыгнуть и с большой высоты. Отважная девушка.

– Вполне возможно, – согласился Родионов.

Он и сам подивился свободным движениям девушки. Веселое, смеющееся лицо с лукавыми глазами, строгая, упругая фигура девушки, одетой в скромное форменное платье, – все в ней как-то привлекало к себе, обращало внимание.

– И красивая какая. Правда ведь, Виктор Леонидович? – тихо говорит Зайцева, а сама не может оторвать своего взгляда от девушки.

Красота девушки напомнила Зайцевой ее молодость. Когда-то и она так же легко и просто ходила по земле. В то время ее не называли, как теперь, «товарищ Зайцева». Юноши шепотом говорили ей «Гаяля» и находили много еще нежных и ласковых слов. Она многим нравилась, была весела и полна жизни. А теперь и лицо в морщинах, и седина пробивается в волосах. Годы делают свое дело.

– Да, она не может пожаловаться на свою внешность, – согласился Родионов, думая о чем-то своем.

– Молодость, – вздохнула Зайцева, – самая счастливая пора жизни.

Майор поспешил к своей машине. Там уже дожидались его Маляр и Ефремов. Родионов пригласил Зайцеву в машину, сам сел рядом с шофером и приказал ехать. Что он увидит сейчас там, где ночью разыгралась трагедия? Неужели ничто не прояснится? Майор снова и снова вспоминал и анализировал показания Маляра. Отчего он так растерян? Может быть, это просто уловка?

Раздумья майора все время сосредоточивались на пропавшей карте. Кто её похитил? Это мог сделать либо часовой у штаба, либо начальник караула лейтенант Маляр. Только они могли знать о карте, ибо должны были специально охранять Сулейменова. Майор представил эту версию. Братья, завладев картой, собираются уйти. Младший погибает, а старший, думая, что тот не справился с поручением, решил сам заглянуть в полевую сумку капитана Сулейменова. Но тут появляется Ефремов и нарушает планы лейтенанта. Если это так, то лейтенант Маляр ищет сейчас удобный момент перейти передний край, попасть к врагу.

– Вон тот дуб, – перебил мысли майора Маляр, – заворачивай.

– Нет! – сказал Родионов. – Остановитесь здесь.

Машина, качнувшись, замерла на месте. Родионов знаком приказал Зайцевой и Ефремову остаться с шофером, а сам пошел вперед. За ним понуро плелся Маляр. Вокруг пахло гарью. Закопченные ветки трещат под сапогами, цепляются за ноги. У глубоких воронок лежат разбитые снарядные ящики. Подошли к блиндажу с развороченным входом.

Маляр, указывая на дыру вместо двери, сказал:

– Здесь было караульное помещение.

Из блиндажа пахло сыростью. Все вокруг разметано взрывом. В глаза следователю бросилась недокуренная папироса. Окурок был совсем свежий. Кажется, что недавно кто-то курил здесь. Папироса перепачкана в пепле, но мундштук еще не успел пожелтеть. Кто здесь курил? Когда этот человек успел побывать здесь? Родионов взглянул на Маляра, тот побледнел.

Положительно все складывалось против лейтенанта. И этот окурочек также избличал его. Дело в том, что уже месяц на складе нет «Беломора». Офицеры курят папиросы марки «Дели». «Беломорканал» был только у лейтенанта. Незадолго до несчастья Маляр получил из дому посылку с папиросами. Он сам угощал ими майора во время допроса, и Родионов сразу же обратил на это внимание. Тут-то Маляр и сказал о посылке. Значит, здесь мог курить только он. Но если допустить, что папироса выкурена не позже часа назад, то Маляр не мог сделать этого. Ведь в это время майор как раз допрашивал его.

Спрятав окурочек, майор зашагал от блиндажа. Прежде чем вскрыть могилу сержанта Маляра, Родионов решил внимательно все осмотреть вокруг. Неподалеку от блиндажа виднелись какие-то странные следы. Они вели к дубу, под которым был похоронен сержант. Следы очень странные. Казалось, что человек прыгал на одной правой ноге, следов от левой не было. След от сапога глубокий. Человек, судя по отпечаткам, носил обувь сорокового размера и весил не менее семидесяти килограммов. Все это опытным взглядом сразу же отметил Родионов. Как выглядит этот человек внешне? На этот вопрос мог бы ответить только сам сержант Маляр. Но что может сказать мертвый?

Майор подошел к могиле. Вместе с Маляром они быстро сняли небольшой слой земли и откинули плащ-палатку, которой было прикрыто тело сержанта. Он лежал странно скрючившись. Казалось, что смерть застала его врасплох, а последние минуты его жизни были мучительны. Челюсти судорожно сжаты, израненные, покусанные губы припухли и посинели. Кулаки крепко сжаты и лежат на груди.

Родионов с большим трудом разжал кулаки убитого и между пальцев заметил несколько светлых волосков. Он внимательно осмотрел их, завернул в бумажку и положил в карман.

«Теперь мы узнаем, – подумал он, – кто тот человек, с которым перед смертью боролся сержант Маляр. Даже без специальных приборов видно, что волосы давно не стриглись и за ними не очень-то хорошо ухаживали. Волосы длинные и, по-видимому, принадлежат женщине. Но если это женщина, то какова же она должна быть, судя по глубоким и большим следам у могилы? Это ведь настоящий богатырь. Признаться, таких женщин я не встречал. Может быть, человек из предосторожности прыгал на одной ноге, и потому остались такие следы? Но для чего он это делал?»

Раздумывая об этом, майор вновь и вновь внимательно разглядывал всё вокруг. Ворот гимнастерки у Маляра оказался расстегнутым, гимнастерка на груди топорщилась. Родионов нагнулся над трупом и откинул ворот. То, что он увидел за пазухой сержанта, поразило его. Там была карта... Секретная военная карта, которую они искали. Майор поспешно вытащил ее и поднялся над окопом.

Лейтенант Маляр стоял чуть поодаль и отсутствующим взглядом смотрел на майора. Мысли его были далеко. Он думал о брате. Не о том, что лежал сейчас в полусасыпанном окопе, а о живом, веселом и жизнерадостном Мише, которого знал с самого детства и горячо любил. Теперь он не придет к нему в блиндаж, не затеет веселой возни. Только вчера Миша намеренно подставил брату ногу, и тот растянулся в блиндаже. Теперь бы он всё-всё простил ему. Но Миша уже не нуждался в этом.

Когда они увидели мертвого сержанта, Маляр закрыл глаза. Ему казалось, что брат поднимется сейчас, улыбнется и зашагает в блиндаж, насвистывая веселую мелодию. Но он лежит недвижим, и крупинки земли, запорошившие его лицо,

словно пристыли к нему навеки. Чего медлит майор? Пора уходить от этого страшного места.

Вдруг Маляр увидел в руках у Родионова карту. Он заметался и страшно закричал:

– Миша! Разве это ты взял карту? Нет, не он... Слышите вы, не он! – Лейтенант преобразился, из тихого, убитого горем он превратился в разъяренного тигра. Он метался вокруг окопа и кричал: – Ты – предатель, Миша. Да, ты – предатель!

Лейтенант задыхался. Покачиваясь, он отошел к дубу и прислонился к его шершавой коре воспаленными щеками. Всё перемешалось в его голове, глаза застлал оранжевый туман. Лейтенант покачнулся, схватился за ветку дуба и замер.

– Кто предатель? Сержант Маляр, что ли? – громко спросил майор, опять склонившийся над телом убитого.

Но Родионову никто не ответил. Подошла эксперт Зайцева. Она тоже была в недоумении: неужели сержант Маляр похитил карту? Неужели старший брат убил младшего? Опять Родионову вспомнились папиросы, подозрительное поведение лейтенанта. Но почему он не попытался бежать? Ведь у него была для этого полная возможность. Наоборот, лейтенант Маляр всё время старается быть на глазах и, кажется, обезумел от горя.

Когда тело сержанта укладывали в машину, Маляр сокрушенно проговорил:

– Неужели это сделал ты, Миша? Эх, брат, брат.

– Не делайте поспешных выводов, – строго сказал майор и, обратившись к Зайцевой, попросил ее: – Срочно сделайте заключение, утром я зайду к вам.

– Хорошо, – ответила Зайцева, – завтра все будет сделано.

* * *

Итак, карта нашлась. Но Родионов и не думал считать, что справился со своей задачей. Вернувшись в блиндаж, он решил в спокойной обстановке разобраться в имеющихся фактах. Шаг за шагом анализируя случившееся, он не мог прийти к нужному выводу. От нервного переживания кружилась голова. Он разделся, присел к столу, чтобы разобрать вещи сержанта. Может быть, здесь кроется разгадка? В вещевом мешке не было ничего лишнего: котелок, ложка, запасная пара белья, тетрадь в твердом переплете, карандаш. Видно, сержант любил писать письма. тетрадь была объемистой. Между страниц Родионов нашел неоконченное письмо. Сержант писал матери. Отправить не успел. О чем же сообщал он матери?

«Дорогая мама! – прочел майор и поймал себя на мысли, что и он сам именно так начинал свои письма к матери. – Ты, кажется, сердисься на меня за то, что редко пишу. Недавно я уже отправил одно письмо, посылаю каждую неделю. Сегодня получил от тебя большое-большое письмо! Ты спрашиваешь, что за блондинка Рая? Это очень хорошая девушка, и я ее давно знаю...» «Ничего не скрывает от матери», – подумал майор. «Мама, – прочел дальше Родионов, – ничего не пиши о блондинке Сереже. Он же мой командир, и очень строгий. Может и наряд лишний вlepить за мои похождения».

Судя по этим строчкам, младший Маляр питал к старшему добрые чувства, любил его и гордился им. Если закрыть сейчас дело, обвинив в хищении карты Маляра, то горе сразит и мать, и старшего брата. Особенно будет переживать мать. Она растила сыновей для подвига, а не для предательства. И вдруг ее сын – изменник. Нет, нельзя сворачивать дело, хотя карта и обнаружена. Нужно твердо

установить, кто именно похитил ее. Сейчас еще трудно говорить о том, что таинственный след, два волоска и окуроч оправдывают или обвиняют Маляра. Это всего лишь предположения. Однако карта оказалась у него. Не имел ли он связи с врагом? В это трудно поверить, но и не верить тоже нельзя.

– Толстов, – окликнул майор своего ординарца, – зажги свет.

Толстов быстро подключил электрическую лампочку к аккумулятору, и блиндаж залили потоки яркого света. Родионов достал окуроч и высыпал табак на чистый листок бумажки. Потом он разорвал папиросу из своей пачки «Казбека» и высыпал табак рядом.

– Видишь, Толстов, какое тут недоразумение? – сказал майор ординарцу. – Табак от папирос марки «Казбек» очутился в папиросе «Беломорканала». Кому это было нужно?

– Это неспроста, товарищ майор, – ответил Толстов.

Ординарец давно уже служил вместе с майором и достаточно изучил его характер и привычки. Родионов частенько избирал его в свои собеседники, спорил с ним, доказывал, проверяя правильность своих мыслей и выводов. Вот и сейчас он с готовностью начал беседовать с майором:

– Какой-то ловкий хитрец это проделал.

– Вот хитрость его и подведет, – сказал Родионов. – Мы разоблачим этого негодяя.

Майор снова попытался представить положение, в котором оказался сержант Маляр. Сержант пришел на пост бодрым, хорошо отдохнувшим. Он внимательно вглядывался в темноту, по привычке угадывая предметы, расположенные вокруг. Вон там, впереди, – редкие дубы, в стороне – склад, за ним – траншеи, укрытия для машин. Всё спокойно, но бдительный часовой не дремлет. Неожиданный взрыв снаряда настораживает его, он спешит к двери блиндажа, и тут его настигает целая серия разрывов. Вспыхивает пламя, сержант укрывается в траншее. Но оцепенение длится недолго. Сержант возвращается на свой пост и замечает вдруг бегущего человека. «Стой! Кто идет?» – окликает сержант. Бегущий падает. Не ранен ли? Маляр решает проверить и подбегает к упавшему. Тот вскакивает и скрывается в темноте. Маляр мгновение колеблется, не решаясь оставить пост, чтобы преследовать убежавшего. Он кричит что-то своему брату и бросается за подозрительным человеком. Луч света ослепляет его глаза, он чувствует страшный удар в бок. Из последних сил он бросается на человека, и в его руках остаются волосы нападающего.

– Сержант Маляр погиб от руки врага!

Придя к такому выводу, майор Родионов стал рассматривать свою версию дальше. Захватив карту, враг пытается скрыться. Но в этот момент стрельба прекращается, кругом слышатся встревоженные голоса людей, и он меняет свое решение. Карта в руках, надо надежно спрятать ее. Тогда враг скрывает карту на трупе. Если даже труп сержанта и найдут, то подозрение падет на кого угодно, только не на истинного виновника. Обвинят прежде всего сержанта и его брата – начальника караула. Никому не придет в голову искать вражеского шпиона. «Виновных» расстреляют – и дело с концом. Так, очевидно, думал враг.

Кажется, враг хорошо знал лейтенанта: и его физические данные, и привычки. Тяжелый, глубокий след, явно оставленный с целью бросить подозрение на лейтенанта, окуроч «Беломорканала» – всё это свидетельствовало о хитрости и коварстве врага. Но, путая следы, враг невольно выдавал сам себя. Это уже

становилось ясным. Однако майор затруднялся сказать, почему понадобилось шпиону укрывать себя под видом Маляра.

Тут что-то кроется. Шпион мог уничтожить карту, однако он этого не сделал. Очевидно, не имея времени снять копию с карты, шпион вынужден был спрятать ее. Спрятать, чтобы затем вернуться и в удобный момент снова завладеть ею. Если это так, то шпион сейчас находится где-то здесь, неподалеку от штаба или даже в самом штабе. Под чьим именем скрывается он? Откуда он узнал, когда явится в штаб Сулейменов? А если знал, что Сулейменов располагает секретными данными, то почему не попытался добыть их раньше? Враг хитер, осторожен и действует, по-видимому, в одиночку. Если бы врагов было больше, то сержант Маляр в схватке с ними применил бы оружие. Шпион был один, и потому Маляр попытался поймать его.

Как бы то ни было, враг совершил свое черное дело. Думая об этом, майор почему-то вспомнил о девушке, поразившей его своей смелостью и ловкостью. Действительно, чтобы спрыгнуть с высокого борта грузовика, нужна порядочная натренированность. Солдат, прыгавший вслед за девушкой, не удержался на ногах, упал и несколько раз перевернулся. А он был куда крепче этой девушки. Может быть, она в свое время обучалась в спортивном институте? Но она, оказывается, санитарный инструктор. Впрочем, что же тут удивительного? Спорт у нас развит широко. Вполне возможно, что эта девушка обучалась прыжкам с парашютом. Прыжок у нее получился просто профессиональный.

Почему она, однако, приехала не на санитарной, а на грузовой машине? Почему она в этот час оказалась далеко от штаба? Майор пригласил к себе шофера грузовика. Тот пришел сразу же, явно озадаченный вызовом к следователю. Дело в том, что он по дороге в штаб заворачивал в деревню в надежде раздобыть самогонки. Неужели майор успел разузнать об этом? Однако Родионов задал шоферу совсем другой вопрос.

– В каком месте вы посадили санинструктора Белову в свою машину?

– У меня с этой девушкой, товарищ майор, ничего не было, – смутился шофер.

– Она стояла на дороге у оврага, попросилась подвезти, я и посадил.

– Она была одна? – спросил Родионов.

– Я же вам сказал, что не был с ней, – начал горячиться шофер. – Зачем она мне? Я с ней даже и не разговаривал.

– А разве плохо понравиться красивой девушке? – Майор не выдержал и рассмеялся. – Чего ты смущаешься?

– Не нужна она мне, – хмуро проворчал шофер, – знал бы, не брал ее.

Шофер ушел, так и не поняв, чего от него добивался майор. Он, конечно, не задумывался над тем, почему девушка бродит одна вблизи противника. Его это просто не интересовало. Просится человек подвезти, почему бы не оказать такую услугу?

Проделки Беловой показались майору подозрительными. Но в чем ее можно обвинить? Красивая, избалованная вниманием, она, по-видимому, позволяет себе много вольностей. Только и всего. Родионов, так ни до чего и не додумавшись, послал ординарца за водителем, а сам, торопясь, пошел к своей машине.

Майор шел по реденькому лесу и дивился необычайной тишине. Было слышно, как шелестит в ветвях ветер, тонко-тонко позванивают высокие стволы стройных сосен. Родионов остановился у березы, закурил. Дым тихо и плавно поднимался

вверх, почти не расходился, и комочки его легко повисли на ветвях колючих кустов. За деревьями послышались тяжелые шаги, прерывистое дыхание. Майор оглянулся и увидел старшего сержанта Ефремова. Тот шел с котелком горячего чаю. Встретившись с майором, Ефремов остановился.

– А я к вам, товарищ майор, – сказал Ефремов. – Очень подозрительно себя медичка Белова ведет. Всё про вас спрашивает. «Зачем тебе он?» – говорю. «Да так, – отвечает, – очень хороший парень. Понравился сильно». «Если нравится, – говорю, – иди в соседнюю часть, он там служит».

– Правильно поступил, Ефремов, – одобрил майор. – Ты откуда сейчас?

– Всё о лейтенанте своем забочусь. Очень он переживает. Много курит, ничего не ест. Вот чаю несу ему, может быть, выпьет.

По тону, которым говорил Ефремов о лейтенанте, майор догадался, что старший сержант хочет узнать, не грозят ли ему какие-нибудь неприятности. Но что он мог сказать Ефремову? Ему и самому многое неясно. Тут еще Белова выплыла. Кто она? Майор простился с Ефремовым и пошел к машине, которая уже вышла на дорогу, шофер нетерпеливо сигнализировал ему.

– Возможно, это она, – вслух сказал майор, когда уже сидел в машине.

– Кто это – она, товарищ майор? – недоуменно спросил Толстов.

– А, так, – смутился Родионов, – одна моя не совсем еще хорошо знакома.

Родионов с нетерпением ждал в штабе своего начальника полковника Ильина. Говорили, что он ушел с генералом на передовую линию вручать бойцам правительственные награды и до сих пор еще не вернулся. А время шло. Родионов должен был уже сегодня доложить о результатах следствия и потому сильно волновался. Признаться, у Родионова не было сколько-нибудь четкого плана доклада. Это, конечно, не понравится полковнику. Ильин любил исчерпывающие, доказательные сведения. Таких сведений у Родионова пока не было. Скорей бы уже приезжал полковник.

Ильин приехал часа через два и с ходу занялся докладом майора.

– Вы успели в самый раз, – одобрительно сказал полковник, узнав о том, что карта нашлась. – Кто знает, как всё бы обернулось.

– Карта нашлась, – смутился майор, – а кто ее похищал, неизвестно. Я во многом не сумел разобраться.

– Разберемся, – Ильин порылся в бумагах на столе, мельком просмотрел какое-то донесение. – Сегодня наша контрольная рация перехватила очень важное сообщение. Кто-то передал на ту сторону о том, что задание выполнено, и просил помощи. Однако связь внезапно прервалась. Очевидно, кто-то помешал лазучику.

Родионов с сожалением покачал головой. Когда уточнили на карте место запыленгованной радиостанции, то обнаружилось, что шпион передавал из расположения части, откуда только что прибыл майор. Преступник, кажется, не знает, что карта уже находится в наших руках, и надеется еще завладеть ею.

– Ну, слушаю вас, – Ильин попросил Родионова продолжить свой доклад.

Родионов по возможности подробно доложил о расследовании. Не умолчал он и о своих неудачах. Ильин слушал его внимательно, не перебивая. Хмурился. Ясно, что он недоволен результатами расследования.

– Кто же, по-вашему, приходил за картой? – строго спросил Ильин.

– Об этом мы узнаем после тщательного расследования.

– Значит, сержант Маляр – не сообщник врага? – полковник Ильин нетерпеливо постучал карандашом по столу. – Так ли это?

– В деле много сомнительных моментов, – майор склонил голову и потупился.

– Выражайтесь точнее.

– По моим наблюдениям, сержант Маляр погиб не от осколка снаряда. Создается впечатление, что он пронзен отравленным кинжалом. Вокруг раны тело синее и уже разлагается.

– Об этом можно говорить только после экспертизы, – сказал Ильин, рассматривая дело, которое привез Родионов. – Не следует строить выводы на догадках. Пусть даже сержант Маляр погиб от руки врага. Но что из этого следует? Можно ли сказать, что он не был связан со шпионами? Главарь во имя своей безопасности обычно устраняет сообщника. Надеюсь, это вам известно?

Родионов смутился. Как он, старый, опытный следователь, не обратил внимания на такое важное обстоятельство? Преступник в личных целях всегда стремится избавиться от лишних свидетелей. Это основной метод, даже традиции шпионских организаций капиталистических стран. Враг мог хитростью вовлечь сержанта Маляра в свои сети, а потом, когда в нем миновала надобность, избавился от него. Нет, рано еще делать окончательные выводы. Судя по радиоперехвату, в деле с картой замешан не один, а два-три человека. Значит, он поторопился снять свои подозрения с сержанта Маляра.

Однако нельзя было не доверять и своему опыту, интуиции. Ни старший, ни младший Маляр не могли быть предателями. Это хорошо чувствовал Родионов, и ему не хотелось считать их врагами.

Ильин тем временем рассматривал в лупу волосы, изучая их. Наконец он спросил у Родионова:

– Товарищ майор, вы можете сказать, при каких обстоятельствах эти волосы оказались в руках убитого?

– Да, – ответил майор и тут же кратко изложил свою версию.

– Это всё философия следователя. Причем бездоказательная. Обоснуйте точнее невиновность Маляра.

– Сержант Маляр и его брат – комсомольцы, – заговорил, волнуясь, Родионов. – Эти люди учились в советской школе, воспитывались на нашей земле. Когда старший стал командиром и пошел на фронт, за ним потянулся младший. Он был молод, но все-таки добился, чтобы его послали воевать. На фронте братья не раз отличались в боях, имеют награды. В штабе о них отзываются как о стойких и преданных бойцах...

– Вот это кое-что значит. Мы должны верить в своих людей, – Ильин посмотрел на майора одобряющим взглядом и продолжал: – А теперь обсудим, кому принадлежали эти волосы. Их обладатель, несомненно, женщина. Причем, возможно, красивая и молодая, лет двадцати пяти-двадцати шести, не больше.

– Так точно, товарищ полковник, – обрадовался Родионов. Его мысли и выводы совпадали с мнением полковника.

– Но по радиации слышался голос мужчины, – задумчиво проговорил полковник. – Как вы на это смотрите?

– А разве женщина, – спросил Родионов, – не может, при известной тренировке, подражать голосу мужчины? Таких случаев сколько угодно.

– Возможно, – согласился полковник. – Кого же вы подозреваете?

– Я вам уже докладывал: Белову. В ней я основательно сомневаюсь. Не наш это человек.

– Белова? – сказал Ильин и несколько раз задумчиво повторил: – Белова, Белова...

В штабе хорошо знали Белову. Эта героиня прославилась под Сталинградом. В тяжелых боях на Волге Белова спасла более ста раненых, награждена двумя орденами Красного Знамени. Правда, раньше она служила в другой части и попала сюда после госпиталя. Девушку приняли как героиню, потому что слава ее разнеслась уже по всему фронту. Почему же у Родионова вызвала сомнения именно эта девушка? Может быть, она не Белова, а шпионка Лей, та самая Зимняя Ласточка, которая пыталась пробраться в наш тыл? Но ведь Зимняя Ласточка погибла. Парашют шпионки не раскрылся, и она погибла во время приземления. Заподозрить Белову в измене – дело серьезное. На чем же основывает Родионов свои подозрения?

– Скажите, майор, разве зимой ласточки летают? – хитро прищурившись, спросил полковник.

– Почему бы им и не летать, если подходящая атмосфера? – в тон полковнику ответил Родионов. – Конечно, такая «ласточка» не приносит весны, но летать может.

– Вы правы, – задумчиво сказал полковник и встал из-за стола. Он подошел к большой карте, укрепленной в проеме стены, долго что-то разглядывал в ней, потом решительно поставил в каком-то пункте жирный знак вопроса. Родионов понял, что Ильин разделяет его сомнения.

Полковник задернул темной занавеской карту и, повернувшись к Родионову, спросил:

– Значит, вы не сомневаетесь, что Лей, она же Зимняя Ласточка – не погибла?

– Совершенно верно, товарищ полковник.

– Странная, однако, кличка – Зимняя Ласточка, – задумался Ильин. – За этим должен скрываться какой-то смысл.

– Должно быть, – предположил майор, – этой «ласточке» зимой удалось нам напакоstitь. Однако, если Белова – это Лей, то где же настоящая Белова? Не так просто действовать под ее именем.

– Хорошо, – решительно сказал полковник. – Будем вести работу в этом направлении. Дело не терпит промедления. Отдыхайте и возвращайтесь на место.

Родионов ушел в свою землянку и тут же повалился на постель. Спал он тревожно. Ему грезились разрывы снарядов, скрытые шаги в темноте. Он гнался за кем-то во сне, стрелял, боролся, кричал. Ординарец Толстов, разбуженный сонным бормотанием майора, поднялся с постели и плотнее укрыл Родионова своим одеялом. Наконец сон одолел майора, и он задышал ровно и спокойно.

* * *

Ранним утром Родионов был снова в дороге. И снова беспокойные мысли целиком завладели им. И путаные «одноногие» следы, и Маляр, и Белова, и Зимняя Ласточка не давали ему покоя. Машину трясло на ухабах, и только это иногда отвлекало его от тяжелых, навязчивых дум. На крутом повороте мимо них пронеслась встречная машина. Шофер придерживал рукой открывавшуюся дверцу, в кузове, опершись о кабину руками, стояла... Белова...

«Куда мчится этот шофер? – подумал Родионов. – И почему тут оказалась Белова?»

Шофер Родионова, обругав сторяча встречного лихача, сам прибавил газку и помчался по неровной дороге. Хотя машина шла быстро, майору казалось, что они

ничуть не приближаются к цели. Он торопил шофера и заметно волновался. Из головы не выходила Белова. Как только Родионов прибыл в штаб, он немедленно занялся ею. Однако в действиях девушки не было ничего подозрительного. Белова с утра собралась поехать на склад за медикаментами. Тут подвернулся шофер из соседней части, также едущий на склад, и Белова воспользовалась попутным транспортом. Майор успокоился.

– Зайцева у себя? – спросил Родионов у телефонистов.

– Здесь, – ответили.

Майор поспешил к Зайцевой. Она встретила его приветливой улыбкой.

– Вовремя прибыли, – сказала Зайцева. – Я только что закончила экспертизу.

– От чего наступила смерть? – нетерпеливо спросил он.

Зайцева стала подробно докладывать:

– В мягких тканях тела осколок от снаряда. Он не угрожал жизни сержанта, потребовалась бы совсем легкая операция. Но именно в это место затем был нанесен сильный удар ножом. В ране обнаружен яд...

Догадки Родионова оправдались: Маляра убил враг. Но кто? Явно не Белова. Чтобы нанести удар такой могучей силы, нужно быть очень крепким человеком. Убийца был мужчина. Это именно его следы, большие и глубокие, оставленные сапогом сорокового размера. Выходит, всё нужно начинать сызнова. Надо снова вызывать лейтенанта Маляра, идти по прежним следам. Но притаившийся враг тоже не глуп. Он, должно быть, тоже следит за тем, как разворачиваются события. Какая досадная неудача! Нет, надо выждать, присмотреться и уж потом действовать наверняка.

Майор решил посвятить целый день так называемым хозяйственным делам. Чтобы отвлечься от служебных забот, взглянуть на свои повседневные дела со стороны, Родионов устраивал иногда такие паузы. В это время он отдыхал, перечитывал старые письма из дому, вспоминал мирную жизнь. Она была у него бесприютной в детстве, радостной и беспокойной в юности. Так, наверное, жизнь внешне складывается у многих людей, но у каждого есть что-то дорогое, близкое и памятное только ему. Свою жизнь Родионов считал счастливой. Родина воспитала его, дала образование, поручила ответственную работу. Что еще нужно человеку?

Обычно во время таких пауз верным собеседником майора был его ординарец Толстов. Как и всякий солдат, он тоже охотно вспоминал мирное время, своих домашних. Даже знакомые люди казались издалека родными и желанными. Единственно, о ком с неохотой вспоминал Толстов, так это о милиционерах. В свое время из-за неуравновешенного характера у него с милицией были, мягко выражаясь, неприязненные отношения. Майор же, наоборот, отзывался о работниках милиции с благоговением. И на то у него тоже были свои особые причины.

– Вот ты, Николай, частенько поругиваешь милиционеров. А за что? – с улыбкой спрашивает майор. – Ведь у них трудная и беспокойная служба. Взять регулировщика. Целый день он стоит на жаре, а зимой – на холоде, чтобы тебе, пешеходу, было спокойнее. Об этом ты даже и не думаешь, а помнишь только штрафы, которые брали с тебя, конечно, за дело, а не зря, как ты говоришь.

– Я их не хаю, – оправдывается Толстов. – Служба у них – не позавидуешь. Оттого-то они, видимо, и несправедливы порой. Я о себе говорю...

– А я, – мечтательно улыбнулся майор, – как увижу человека в синей шинели, так и вспоминаю усатого постового в нашем городе. Какой это прекрасный человек!

Усатый постовой действительно сыграл когда-то в жизни Родионова решающую роль. Если бы постовой высадил тогда Родионова из переполненного трамвая, то он ни за что бы не встретил свою Марину. Но постовой не сделал этого. Он только грозно глянул и отвернулся. А Родионов втиснулся в проход и оказался рядом с очень милой, очаровательной девушкой. Она сочувственно улыбнулась ему и всё время, пока они ехали до стадиона, ласково поглядывала на него. Родионов был счастлив. Он готов был ехать с этой девушкой в переполненном трамвае хоть на край света. Лишь бы она стояла рядом и улыбалась ему.

Родионов был скромным и застенчивым пареньком. Друзья в институте посмеивались над ним. Он не дружил ни с кем из девушек на курсе, сторонился их. А тут, в трамвае, он вдруг осмелел настолько, что стал заговаривать с незнакомой девушкой. Оказывается, она тоже ехала на стадион и болела за «Спартак». Родионов не болел ни за «Спартак», ни за «Локомотив», но с этого времени твердо решил, что будет поклонником «Спартака».

Когда они после матча расставались, Родионов спросил:

- Марина, мы еще встретимся с вами?
- А зачем, Виктор? – слукавила девушка.

Виктор не ожидал такого вопроса. Он покраснел, растерялся и не мог проронить в ответ ни одного слова. Марина внимательно осматривала юношу, словно бы изучала его. Парень как парень, ничего особенного. Вихрастый, голубоглазый, с припухлыми губами. И очень робкий...

Девушка сжалась над ним:

- Хорошо, встретимся.
- А где? – спросил юноша.
- Там, – засмеялась Марина, – где вы за трамвай прицепились.

Друзья в группе сразу же заметили перемену. Виктор как-то преобразился.

– Ох и здорово же «Спартак» сегодня играл! – радостно сообщил ребятам Виктор. – Просто залюбуешься.

– Стой, стой. Когда это ты «спартаковцем» успел стать? Давай-ка, выкладывай свою тайну.

Тайна быстро раскрылась. Все вскоре узнали, что Виктор подружился с девушкой, работницей механического завода. Кое-кто не одобрил его выбора. Виктор – студент, скоро получит высшее образование и уедет по назначению. А разве мало девушек на курсе? Можно было бы жениться на любой из них и вместе поехать на работу. Но Виктор рассудил иначе. Марина ему нравилась, и он ничего больше не хотел знать. Они теперь часто встречались на той самой трамвайной остановке, и усатый постовой каждый раз, увидев их, приветливо улыбался.

Вот почему с такой теплотой вспоминал сейчас своего друга-постового майор Родионов. Он, казалось, оберегал светлую и чистую любовь Марины и Виктора. Майор перебирал письма, и мысли его уходили туда, к ним, к Марине и дочке. Они скучают по нему, беспокоятся. Марина работает и учится. Скоро она закончит электромеханический факультет института. С твердым характером оказалась его жена: идет война, люди переживают большие трудности, а она находит силы учиться, воспитывает дочь. Всё радует Родионова, придает ему силы. Особенно трогают неумелые каракули дочери. Она тоже присылает ему весточки.

Майор долго просидел над письмами, мысленно беседуя со своими близкими. Но дела властно звали его к себе. Он с сожалением спрятал письма в дальнее

отделение полевой сумки, разложил на столе бумаги и снова принялся за работу. Белова... почему она не выходит из головы? Надо запросить ее фотографию. Возможно, снимок найдется в военкомате или в штабе. Следует поискать также друзей Беловой. Но Родионов не успел сделать это. Под вечер ему сообщили, что медсестра из соседней части погибла во время поездки на склад. Родионов узнал, что на этой же машине ездила на склад и Белова.

В чем дело? Как могло случиться, что одна девушка погибла, а другая, находившаяся рядом с ней, осталась невредимой? Может быть, девушку силой вытолкнули из машины? Одному это сделать очень трудно. Значит, помогал шофер, значит, он соучастник преступления. Родионов запросил личные дела Беловой, погибшей медсестры Кондаковой и немедленно выехал в штаб соседней части. Это происшествие должно было вывести следователя на верный путь.

* * *

В лесу уже стемнело, когда майор добрался до места назначения. В землянке было душно, и он вышел наверх покурить. Вызванные люди еще не прибыли. Майор стоял под деревом и прислушивался к лесным шорохам и редким окликам часовых.

– Этим следователям просто делать нечего, – услышал Родионов сердитый, раздраженный голос. Показался шофер. – Подумать только, в какую даль пришлось идти. Сам, небось, побоялся прийти на передовую.

– Кого вы ищете? – спросил Родионов.

– Да следователя, будь он неладен.

– Идите за мной, – майор пошел в землянку, за ним, чертыхаясь, побрел шофер. Когда Родионов сел за стол, шофер нетерпеливо спросил:

– Где же следователь?

– Это я, – сказал майор. – Садитесь.

– Простите, – начал извиняться шофер. – Я не знал...

– Где вы выпили? – строго спросил Родионов, не обращая внимания на слова солдата.

Тот чуть покачивался, глаза его были воспалены.

– Можете мне поверить: я не пил. Я вообще не пью.

– Пьете, только сознаться боитесь, – повысил голос Родионов, – мужества не хватает.

– Ну так что ж такого, товарищ майор, – сказал шофер, – немного выпил. Я же солдат. Выпил, но не пьян. А это главное...

– Солдат! – майор горячился. – Из-за вас погиб невинный человек.

– Что вы! – попятился шофер. – Я не отвечаю за тех, кто падает из кузова.

Видно, такая уж доля у Кондаковой – так умереть.

– Сколько выпили?

– Совсем немного – стаканчик спирта, – шофер опять приободрился. – Почему и не выпить, когда угощает красивая девушка? Я думал, что всё обойдется. Но вот случилось несчастье... Я не виноват.

– Кто угощал?

– Да всё она же, Белова.

– Кто еще был с вами?

– Никого не было... Я отказывался, говорил, что нельзя перед дорогой. Но Белова уговорила, – растерянно забормотал шофер, – замерз, говорит, устал, не повредит...

– Что было потом? – спросил майор.

– Потом она побежала на склад и просила заехать за ней. Мы со старшей сестрой Кондаковой хотели уехать одни, но в кузове были вещи Беловой. Пришлось захватить, – шофер говорил поспешно, словно боялся, что майор не выслушает его до конца и прикажет арестовать. – Сама Кондакова тоже виновата. «Ни за что, – говорит, – не поеду, пока не увижу Белову, я с ней в госпитале лежала». Когда мы взяли Белову с собой, она сказала ехать скорее. Я дал газу, ехал быстро. Вдруг слышу, стучат по кабине. Остановил машину и увидел, что Кондакова лежит на дороге с разбитой головой. Она была уже мертва, ни одного слова не успела сказать. Мы подняли ее тело и привезли в часть. Вот и всё...

– Вы хорошо знали Кондакову?

– Как не знать? – оживился шофер. – Она одна у нас в части, все ее знают.

– Вы о ней рассказывали Беловой? – спросил майор, торопливо записывая показания шофера.

– Рассказывал. Она сама расспрашивала. Говорила, что с Кондаковой они – подруги, и ей надо ее увидеть, – шофер горестно взмахнул рукой. – Не случись аварии, я бы не встретился с Беловой, и ничего бы этого не было. Сама она со мной ехать навязалась.

– До этого при вас Белова виделась с Кондаковой?

– Нет. Собиралась встретиться, но как только доехала до места, сразу улинула. Если не верите, можете спросить у Беловой.

Но на этот раз майор поверил шоферу. Белова сознательно избегала встречи с Кондаковой на людях. Она боялась, что та сразу же разоблачит ее. Решила расправиться с Кондаковой без свидетелей. С этой целью она споила шофера. Оказавшись вместе с Кондаковой в кузове быстро мчавшейся машины, Белова задушила попутчицу и выбросила тело на дорогу. Подвыпивший шофер не заметил ничего подозрительного.

Родионов отпустил шофера и собрался сейчас же допросить Белову, но передумал. Смерть Кондаковой – еще недостаточная улика для ареста. Шофер был пьян, Кондакова проявила неосторожность и вывалилась из машины, такая версия вполне правдоподобна. Белова, конечно, так и объяснит всё происшедшее. Нет, надо поймать врага с поличным. С арестом Беловой торопиться нечего.

Майор вызвал к себе ординарца Толстова и приказал:

– Поезжайте сейчас же вместе с Ефремовым к могиле Маляра. Замаскируйтесь поблизости и зорко следите за этим районом. Без моего приказа никаких действий не предпринимайте.

Вскоре майор тоже выехал за Толстовым. Прежде чем отправиться на выполнение задуманной операции, он решил навестить лейтенанта Маляра. Родионов застал Маляра в землянке. Тот сидел, низко склонившись за столом, и что-то писал.

– Что пишешь, Сережа? – Родионов впервые назвал лейтенанта по имени.

Маляр встрепенулся, увидев майора, погрузился.

– Пишу домой. Хочу сообщить матери, что сын ее оказался трусом и предателем.

Родионов с сочувствием оглядел лейтенанта. Маляр заметно осунулся, побледнел, глаза ввалились. Чувствовалось, что он тяжело переживал неожиданное горе.

– Не торопись с письмом, Сережа, едем сейчас со мной.

Лейтенант недоверчиво посмотрел на Родионова. Видя, что тот всерьез приглашает его куда-то, Маляр быстро стал собирать бумаги. Через несколько минут они уже шли по еле заметной тропинке к дубу. Ночная мгла надежно укрывала их от постороннего глаза. Но она так же хорошо скрывала врагов. Это хорошо знал Родионов, и потому внимательно прислушивался к каждому шороху. Лейтенант неслышно шагал следом. Каждый его нерв напряжен до предела, сердце бьется гулко и учащенно. Лейтенант знает, что так бывает всегда, когда человек ждет чего-то неожиданного и неизвестного.

Родионов хотел было разыскать Толстова и Ефремова, но понял, что в темноте это не так-то просто сделать. Он знал, что они где-то здесь, хотя и ничем не обнаруживают себя. Майор и лейтенант миновали блиндаж бывшего караульного помещения и совсем близко подошли к дубу. Родионов шепотом приказал Маляру оставаться на месте, а сам юркнул в темноту и залег. Так он лежал час и другой, но ничего подозрительного не замечал. «Гость» задерживался. Еще днем ему позвонил Ильин и сообщил, что контрольная рация вновь перехватила зашифрованную радиопередачу. С той стороны поступил приказ агенту доставить карту через линию фронта.

Голос снова был не женский, и это сбивало с толку майора. Он почти уверил себя в том, что агент – женщина, и эта женщина – Белова. Возможно, за картой придет не один человек, и это усложнит дело. В небе появился узкий серп луны, время пошло за полночь, а вокруг по-прежнему не наблюдалось ничего подозрительного. Родионов терпеливо ждал. Его тело пронизывал холод, он дрожал, но боялся пошевелиться, чтобы не выдать себя. Вдруг послышались приглушенные расстоянием голоса. Потом они раздались ближе, у самого дуба. Показалось, что говорили несколько человек. Майор потянулся за пистолетом. У дуба появилась чья-то тень. Человек то прятался, то снова выглядывал из-за ствола дерева.

– Знаю, знаю, что вы шли за мной, – бормотал кто-то за деревом, – нечего прятаться.

Все опять затихло, а потом раздался женский голос:

– Не прячьтесь, не прячьтесь, идите сюда. Я вас вижу.

– Иду, иду, – ответил мужской голос.

Странно. Кто же это там разговаривает? Как только послышался мужской голос, силуэт человека скрылся за дубом. Неужели это Толстов и Ефремов откликнулись на голос женщины? Но им же приказано ничем не обнаруживать себя. Или это лейтенант вступил в разговор? Нет, Маляр подполз к майору, он, оказывается, был рядом. Кто же за дубом?

Тень появилась снова, из-за дуба блеснул яркий луч электрического фонарика. Родионов ясно различил силуэт женщины, даже успел разглядеть ее красивый профиль. Женщина ни от кого не скрывается. Кажется, что здесь у нее какое-то интимное свидание. Изредка вспыхивает фонарик, слышится заговорщический смех. Что же это, в конце концов, такое? Похоже, что у дуба воркует влюбленная парочка. А где же люди, которые должны прийти за картой? Наконец мужской голос утих. Женщина вроде бы осталась одна. Она стоит у дуба и ничем не выдает своего беспокойства.

Родионов поднялся с земли, приказал лейтенанту наблюдать за ним и решительно пошел к дубу. Он шагал осторожно, подкрадывался к женщине с тыла. Та по-прежнему неподвижно стояла у дерева и ни на что не обращала внимания.

Майор был уже в двух шагах от нее, когда она неожиданно обернулась и тихо, совсем не испуганно, вскрикнула:

– А-ах. Кто это?.. Вы, товарищ майор! Я вас не узнала и немного испугалась... Брожу, скучаю. Вы тоже решили прогуляться?

Родионов на мгновение растерялся и не знал, как ему поступить. Действительно, что он здесь делает? Девушка, судя по всему, вышла просто прогуляться. Разве это запрещено? Она стоит перед майором без тени смущения или испуга. Даже в темноте чувствуется, что она улыбается. Однако Родионов взял себя в руки. Перед ним стояла Белова.

– Здесь нет того, что вы ищете, – сказал Родионов. – Идемте лучше с нами.

– Конечно же, – беспечно сказала девушка. – Всё будет веселее...

Белову ввели в штабной блиндаж. Она только на миг задержала свой взгляд на уставшем хмурым лице Родионова, который тут же уселся на стул, и с удивлением вскинула вверх свои подвижные, красивые брови. Она была действительно красива и, безусловно, умела владеть собой. Белова присела на поданный ей стул и стала спокойно разглядывать скромное убранство штабного блиндажа. Фигуре Родионова она уделила ровно столько внимания, сколько и другим окружающим ее предметам!

«Беспокойная выдалась ночь, – думал про себя Родионов, – кажется, никогда еще не приходилось так волноваться».

Прежде чем приступить к допросу Беловой, майор сам себя подверг допросу «с пристрастием». Он начал с того, что попытался выяснить, почему у него возникло подозрение в отношении Беловой. Неужели этому дали повод несуразные следы у дуба и жалкий окурок папиросы? Ведь всё это мог успешно проделать и другой человек, кроме Беловой. Белова не может также считаться полностью уличенной в гибели Кондаковой. Нет свидетелей. Белову задержали у могилы Маляра. Что ж, она, возможно, любила этого человека и пришла, тоскуя о нем. Правда, ночь не совсем подходящее время для этого. Все эти предположения и подозрения должны быть подтверждены при допросе задержанной.

– Я слушаю вас, – спокойно сказал майор, – рассказывайте.

– О чем же вам рассказывать, дорогой майор? – ехидно спросила девушка. – Это вы должны объяснить мне, почему меня задержали. Вам придется плохо, если командующий фронтом узнает, как вы поступили с Беловой. Вы унижаете достоинство бойца, защитника Сталинграда.

– Мы хорошо знаем Людмилу Белову. Она, действительно, героиня, и все уважают ее. Но вы – не Белова, а просто плохой исполнитель ее роли. Это так, как бы вы ни старались забыть свое настоящее имя.

– Я не понимаю вас, – возмутилась допрашиваемая. – Как вы смеете оскорблять меня?

– Конечно, вам было трудно вникать в новую роль, – продолжал майор, как бы не слыша ее вопроса, – сочувствую.

– Меня удивляют ваши слова. Объясните наконец, в чем дело?

Родионов внимательно наблюдал за выражением лица «Беловой». Внешне она казалась спокойной, но опытный глаз следователя по еле заметным штрихам растерянности увидел страх в застывшем облике самозванки.

– Вы зря пытаетесь проявить свой характер, – тем же спокойным тоном продолжал майор, – совершили преступление, будьте готовы отвечать за него.

– Я, что ли? – воскликнула «Белова» и привстала со стула.

– Садитесь, – властно прервал Родионов. – Садитесь и слушайте. Вчера под предлогом получения медикаментов вы сумели выбраться из штаба и по радио связаться со своим шефом. Вам было поручено с картой перейти через линию фронта. Когда вы ночью пришли взять свой «трофей», то встретились с нами.

– Какая там карта? Я пришла проститься с любимым человеком.

– Что? – удивился майор. – С любимым?

– Да, да! Почему это вас удивляет? Я любила сержанта и не вижу здесь ничего странного. Некоторые любят майоров, но для меня чины не имеют значения. Если понравится, то и обезьяну полюбишь.

– Вот теперь вы заговорили на своем языке. Для вас что человек, что обезьяна – одно и то же. О любви и речи быть не может. Вы умеете только ненавидеть, – майор встал, подошел к ней и, извинившись, снял с рукава девушки волосинку.

Родионов вынул чистый лист бумаги, разложил на нем волоски и долго разглядывал их через лупу. «Белова», сидевшая до сих пор спокойно, начала волноваться. Она заметно побледнела. Майор положил перед шпионкой лист бумаги с волосками.

– Которая из этих волосинок ваша? – спросил он.

– В таких делах я не разбираюсь. Вы специалист, вы и определяйте.

– Что ж, я помогу вам. Все эти три волосинки – ваши. Надеюсь, понимаете, в чем тут дело?

– Ничего я не понимаю, – зло огрызнулась «Белова».

– Две из этих трех волосинок вы оставили в руках «любимого» человека. Расскажите, как вы убили Маляра?

– Я никого не убивала! – не удержавшись, вскрикнула девушка.

– Не скромничайте. Впрочем, – майор на минуту о чем-то задумался, потом сказал: – Вы ведь не спали всю ночь, идите, отдохните немного.

Она встала и заспешила к выходу.

– Минуточку, – остановил ее майор и показал кинжал, лежавший на его раскрытой ладони. – Это ваш нож?

– Да, мой.

– Садитесь. Как он попал к вам?

Девушка удивленно пожала плечами и твердо ответила:

– Мне его подарил хороший друг.

– Вы меня не поняли, – майор указал на вырезанную на рукоятке кинжала дату: 4/II-43. – Что это?

– Это означает дату, когда капитулировали войска фельдмаршала Паулюса.

– Под Сталинградом?

– Да!

– Вы должны обижаться на свою память, – притворно посочувствовал майор. – Разгром окруженной фашистской группировки под Сталинградом был завершён четвертого, а второго февраля 1943 года. К тому же вы, то есть Белова, получили тяжелое ранение 28 января и в этот же день были госпитализированы. Неужели человек, который делал вам подарок, не разбирался в календаре? Если вы затрудняетесь, то объясню истинное значение даты 4/II-43 – это ваш агентурный номер. Он служит также вашим пропуском и паролем. Вот так-то, госпожа Лей. Могу вас называть и более нежно – Зимней Ласточкой. А теперь рассказывайте всё по порядку.

Шпионка сразу сникла и посерела. Как-то вдруг ничего не осталось от ее наглости, самоуверенного, гордого вида. Она съежилась в комок, будто ее облили

холодной водой. Медленно подняла она низко опущенную голову и посмотрела на следователя испуганным, просящим взглядом.

– Да, это так. Я – Лей. Но учтите, что это было моим первым заданием, и я не совершила никакого тяжкого преступления.

– Не виляйте, – Родионов протер платком запотевшие стекла очков, водрузил их на переносице и облегченно вздохнул. – Человек, за которым вы охотились, был тяжело ранен. Вы безжалостно добились его и выкрали карту. Вы не заметили тогда, что вас обнаружил Маляр. Когда он побежал за вами, вы ослепили его электрическим фонарем и пустили в ход этот самый кинжал. Падая, сержант схватился с вами. Следы этой борьбы – два ваших волоска – остались в руках погибшего. Вы не могли сразу же воспользоваться картой и потому припрятали ее на груди убитого. Потом вам мешала Кондакова, искавшая встречи со своей подругой Беловой. Вы нашли способ избавиться и от нее. Видите, с какой непоколебимой решимостью вы убивали советских людей.

– Я сделала это в целях самозащиты, господин майор, вынужденно.

– Вы боялись разоблачения? Так ли?

– Какое это теперь имеет значение? – угрюмо ответила Лей.

– Вы и Беловой опасались? – спросил майор. – А она даже и не думала, что вы окажетесь такой вероломной.

– Я не видела ее.

– А как же у вас очутились ее документы? – майор открыл ящик стола и достал бумаги Беловой. – Вот эти?

– Мне их дал шеф там, за линией фронта.

– Этот? – Родионов показал шпионке фотографию. – Он успел сбросить вас с парашютом, а сам не вернулся. Прихлопнули его самолет наши зенитчики... Хочу сразу же предупредить, чтобы вы не пытались прятать свои преступления. Это только ухудшит ваше положение.

Лей надолго замолчала. Она впервые задумалась о том, что дело ее проиграно, и мучительно искала выход из положения.

– Господин майор, – тихо сказала она. – Мне кажется, что откровенные признания могут сохранить мою жизнь. Я очень прошу вас об этом. Я буду говорить вам только правду.

– Рассказывайте, – сказал майор, приготовившись записывать показания Лей.

Та начала сбивчиво рассказывать:

– С юных лет я обучалась в секретной шпионской школе в одном из городов Америки. После школы меня перебросили в Европу с заданием поступить на службу в германскую разведку. Это мне удалось. Я познакомилась с немцем Гауфманом, стала его любовницей. Он-то и был моим шефом. Собирала сведения о Германии, о Советском Союзе, о военных действиях и переправляла их «хозяину». Но я должна была также служить и немцам, как их агент, иначе они бы меня немедленно разоблачили.

– Всё это нам известно, – перебил майор, – рассказывайте о последней операции.

– Хорошо, – вздохнула Лей. – Я получила приказ шефа перебраться через линию фронта. Первым человеком, которого я встретила на вашей стороне, была Белова. Она только что выписалась из госпиталя и направлялась в вашу часть. Я сказала ей, что наш самолет сбили, экипаж погиб, осталась только я – радистка. Белова

конечно, не очень верила мне. Она следила за каждым моим шагом. Правда, продуктов не жалела, делилась со мной всем. Хорошо, что в тот день шел дождь.

– Потом? – сказал майор, почувствовав, как шпионка смешалась и замолчала.

– Что же мне было делать, господин майор? – разволновалась Лей. – Вы же знаете, что я пришла сюда не в куклы играть.

– Понятно, – нахмурился Родионов. – Вы пришли к нам убивать советских людей. В своих кровавых целях, конечно. Белова, Маляр, Кондакова – ваши жертвы. Не так ли?

– Я действовала в целях своей безопасности, – уклонялась от прямого ответа шпионка. – Иначе каждый из них мог меня легко разоблачить.

– Безусловно, – согласился майор. – Белову вы убили этим же кинжалом?

– Какая разница для мертвого, чем его убили? – соорив брезгливую гримасу, ответила Лей. – Если вам интересно знать – этим. Мертвая Белова меня порядочно измучила. Мне пришлось целых два дня тащить ее на себе к месту моего приземления. Там я надела на нее свой парашют, и она сошла за погибшего агента. Умерла, так сказать, почетной смертью.

– А вы не желаете себе подобного «почета»? – раздраженно спросил Родионов.

– Я рассказываю всю правду и надеюсь на снисхождение.

– Нет, не всю. Мы еще не знаем, как вы мучили израненного Сулейменова.

– Он мне достался легко, хотя и сопротивлялся, – продолжала Лей. – У него не было никаких сил, и я без труда завладела картой. Он всё равно бы умер. Если не от осколка снаряда, то от другого.

– О чем вы говорите? – насторожился Родионов.

– Ведь он следил за мной, – разъяснила Лей. – И я в конце концов убрала бы его. Только мне очень мешали солдаты.

– Маляр, Ефремов и другие? – спросил майор.

– Да, да, они. Очень бдительные были люди.

– Теперь, кажется, всё ясно, – проговорил Родионов и распорядился вызвать охрану для сопровождения шпионки.

Лей заволновалась. Уже на пороге она торопливо стала расспрашивать майора:

– Господин майор! Вы ничего не сказали о гарантиях. Могу я надеяться на помилование? Ведь я вам всё сказала. Могу сообщить об агентах своей группы, о шифре «Зимняя Ласточка». Я расскажу, как тренировала свой голос, как можно менять его на любой лад. Только дайте мне гарантии...

– Спасибо за помощь, – сказал Родионов, – по этим вопросам мы вас больше не потревожим. Готовьтесь отвечать перед законом.

* * *

На следующий день на опушке дубового леса друзья с почетом похоронили сержанта Маляра, мужественного, верного Родине воина. Над притихшим в сумраке молчании лесом трижды прогремел салют.

Перевод Петра Якушева

